Нормальные люди

Автор:
Салли Руни

Нормальные люди

Салли Руни

«Когда встречаются двое людей, читавших романы Салли Руни, они тут же стремятся уединиться и не могут наговориться».

– The New York Times

Кто такая Салли Руни, чем знамениты ее романы и почему писательницу называют «Сэлинджером для поколения снэпчата»? Ее второй роман «Нормальные люди» попал в лонг-лист Букеровской премии еще до официальной публикации, был отмечен наградой Коста, вошел лонг-лист престижной премии «Оранж».

«Нормальные люди» – пронзительная история любви Марианны и Коннелла, одноклассников, выросших в провинциальном ирландском городке. Она – богатая одиночка, почти изгой. Он – самый популярный парень в классе, чья мама работает уборщицей в доме Марианны. Между ними мало общего – лишь чувства, что их связывают. Все будет по-другому в Дублине, куда оба уезжают, чтобы учиться в Тринити-колледже. Роман, о том, как один человек может изменить жизнь другого. О том, как трудно говорить о подлинных чувствах, о желании ощутить над любимым человеком свою власть и одновременно принадлежать ему полностью.

Права на экранизацию «Нормальных людей» купили совместно каналы Hulu и BBC. Режиссёром стал номинант на «Оскар» Ленни Абрахамсон, снявший фильмы «Комната» и «Фрэнк».

Пресса о романе

Эта превосходная история о первой любви, похоже, станет классикой. Удивительно свежо. Руни – одаренный и смелый писатель, исключительно наблюдательный. Она подмечает, о чем мы лжем сами себе на самом глубинном уровне, как много мы прощаем друг другу и очень точно говорит о любви. Происходящее чувствуешь кожей. «Нормальные люди» не только о том, каково быть молодым сегодня, но о том, каково быть молодым и влюбленным во все времена. – Guardian

Несентиментальное и откровенное изображение первой любви, в которой персонажи не всегда готовы признаться. Романы Руни замечательны тщательностью проработки психологии персонажей. – Daily Telegraph

Руни изучает, как мужчина и женщина находят – или не находят – общий язык. Ваше сердце будет болеть за эту мастерски показанную пару. Удивительно лаконичная проза, напряженная и продуманная, по-настоящему берет за душу. – The People

В книге схвачены мучительная боль и нереальные всплески радости первой любви. Ее описания секса нежны, деликатны и очень чувственны. – Big Issue

Руни провозглашена первым великим романистом нового тысячелетия. – The New Yorker

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Салли Руни

Нормальные люди

Одна из тайн духовного перелома, который принято именовать «преображением», такова: многим из нас не бывает даровано откровения ни земного, ни небесного до тех пор, пока некий человек не окажет на нас неожиданного влияния, вызвав ответный отклик.

Джордж Элиот. Даниэль Деронда

Sally Rooney NORMAL PEOPLE

Copyright © 2018 by Sally Rooney

Published in the Russian language by arrangement with The Wylie Agency

This book was published with the support of Literature Ireland

Книга издана при поддержке агентства «Литература Ирландии»

Перевод Александры Глебовской

Редактор Анна Бабяшкина

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
Издательство «Синдбад», 2020

Салли Руни родилась в 1991 г., живет в Дублине. Окончила Тринити-колледж (Дублинский университет). Публиковалась в New Yorker, New York Times, London Review of Books, Dublin Review, Granta.

Ее дебютный роман «Разговоры с друзьями» (2017) мгновенно стал всемирным бестселлером и сделал Салли «кумиром миллениалов».

После выхода второго романа, «Нормальные люди» (2018), удостоенного премии Costa Book Award, газета Guardian назвала ее «литературным феноменом

десятилетия», а журнал Economist отметил: «всего две книги – и без Салли Руни уже невозможно представить себе современную литературу».

Январь 2011 года

Коннелл звонит в дверь, и Марианна открывает. Она все еще в школьной форме, только свитер сняла – на ней юбка и блузка, а еще она босиком, в одних колготках.

А, привет, говорит он.

Давай, входи.

Она поворачивается, идет по коридору. Он – следом, прикрыв за собой дверь. Несколько шагов – и вот кухня, там его мама, Лоррейн, снимает резиновые перчатки. Марианна запрыгивает на столешницу и берет в руки открытую банку шоколадного крема, из которой торчит ложка.

Слышала от Марианны – вам результаты пробного экзамена выдали, говорит Лоррейн.

Да, по английскому, говорит Коннелл. Их отдельно выдают. Ну что, поехали?

Лоррейн аккуратно складывает перчатки и убирает их под раковину. Потом вынимает шпильки из волос. Коннеллу кажется, что это можно бы и в машине сделать.

Я так поняла, ты отлично справился, говорит Лоррейн.

Лучше всех в классе, говорит Марианна.

Ну да, соглашается Коннелл. Марианна тоже неплохо сдала. Поехали?

Лоррейн неторопливо развязывает фартук.

Вот уж не думала, что мы спешим, говорит она.

Коннелл засовывает руки в карманы и давит раздраженный вздох, но делает это на достаточно громком вдохе, так что вздох вздохом и остается.

Мне нужно сбегать наверх, достать белье из сушилки, говорит Лоррейн. И потом можно ехать. Ладно?

Он ничего не отвечает, только наклоняет голову; Лоррейн выходит из комнаты.

Хочешь попробовать? – говорит Марианна.

Она протягивает ему банку с шоколадным кремом. Коннелл поглубже засовывает руки в карманы, как будто пытается запихнуть туда все свое тело.

Не, спасибо.

А по французскому результат уже получил?

Еще вчера.

Он прислоняется к холодильнику и смотрит, как она облизывает ложку. В школе они с Марианной делают вид, что не знакомы. Все знают, что Марианна живет в большом белом особняке с подъездной дорожкой, а мама Коннелла – уборщица, вот только никто не догадывается, как эти два факта связаны.

У меня «отлично», говорит он. А что у тебя по немецкому?

«Отлично», говорит она. Ты что, хвастаешься?

Ты ведь наберешь шестьсот баллов, да?

Она пожимает плечами. Вот ты наверняка наберешь, говорит.

Ну, ты поумнее меня будешь.

Не переживай. Я вообще умнее всех.

Марианна усмехается. Одноклассников она открыто презирает. Друзей у нее нет, в обеденный перерыв она в одиночестве читает романы. Многие ее терпеть не могут. Отец ее умер, когда ей было тринадцать, Коннелл слышал, что у нее с тех пор не все в порядке с головой. То, что в школе она самая умная, – это правда. Оставаться с ней наедине для Коннелла – мука, тем не менее иногда он ловит себя на том, что придумывает фразы, которые могли бы ее впечатлить.

По английскому ты не первая в классе, отмечает он.

Она беззаботно облизывает зубы.

А ты бы со мной позанимался, Коннелл, говорит.

У него начинают гореть уши. Может, это просто треп, а не намек, но если это намек, то ему эта история очков не прибавит, поскольку Марианну все недолюбливают. Она носит уродские туфли на толстой подошве и не пользуется косметикой. Поговаривают, что она даже ноги не бреет, да и все остальное. Коннелл слышал, что однажды она закапала блузку шоколадным мороженым в школьной столовой, а потом пошла в туалет, сняла и застирала в раковине. Расхожая байка, ее все знают. Если бы она захотела, могла бы сильно подставить Коннелла, просто поздоровавшись с ним в школе при всех: мол, днем увидимся, – так, чтобы все слышали. Чем, разумеется, поставит его в дурацкое положение, в котором сама оказывается нередко и чувствует себя вполне комфортно. Впрочем, до сих пор она так не делала.

О чем ты сегодня говорил с мисс Нири? – говорит Марианна.

Так. Ни о чем. Не знаю. Об экзаменах.

Марианна крутит ложку в банке.

Она что, запала на тебя? – говорит она.

Коннелл следит за движениями ложки. Уши по-прежнему горят.

А чего ты спрашиваешь? – говорит он.

Боже, ты же не встречаешься с ней?

Конечно, нет. И если это шутка, то не смешная.

Прости, говорит Марианна.

Взгляд у нее сосредоточенный, будто она смотрит ему не в глаза, а сквозь них на заднюю стенку черепа.

Ты прав, не смешная. Прости меня.

Он кивает, обводит глазами комнату, ковыряет носком ботинка в щели между плитками.

Иногда она действительно ведет себя со мной как-то странно, говорит он. Но с другими я не стал бы это обсуждать.

А мне кажется, она даже на уроках с тобой заигрывает.

Ты правда так думаешь?

Марианна кивает. Он чешет в затылке. Мисс Нири преподает у них экономику. О том, что он якобы в нее втрескался, треплется вся школа. Кто-то даже ляпнул, что он добавил ее в друзья на фейсбуке – не было такого и никогда не будет. На самом-то деле он никогда не лезет к ней с разговорами, только сидит тихо, если она лезет с разговорами к нему. Иногда она задерживает его после уроков, чтобы обсудить его планы на будущее, и однажды, было дело, дотронулась до его галстука. Рассказать про ее поведение другим он не может – решат, что хвастается. Но у нее на уроках он от смущения и раздражения не может сосредоточиться на предмете, сидит и таращится в учебник, пока диаграммы не начнут расплываться перед глазами.

Вечно все дразнятся, что я вроде как в нее втюрился, говорит он. А на самом деле ничего подобного. В смысле ты же не думаешь, что я ей подыгрываю, правда?

Ну, лично я такого не замечала.

Он, забывшись, вытирает ладони о школьную рубашку. Все так уверены, что его тянет к мисс Нири, что иногда он начинает сомневаться в собственных чувствах. А что, если на каком-то уровне, выше или ниже порога собственного восприятия, его действительно к ней влечет? Собственно, он вообще плохо представляет, что такое влечение. Всякий раз, когда он оказывается с кем-то в постели, стресс по большому счету портит все удовольствие, в итоге он пришел к выводу, что с ним что-то не так, не способен он к близости с женщинами, какой-то изъян у него в развитии. Когда все заканчивается, он каждый раз лежит и думает: так противно, что даже тошнит. Может, он просто такой? И тошнота, которая подкатывает всякий раз, когда мисс Нири склоняется над его партой, – это замаскированное сексуальное возбуждение? Как знать?

Хочешь, я схожу по этому поводу к мистеру Лайонсу? – предлагает Марианна. Не буду ему говорить, что от тебя что-то слышала, скажу, что заметила сама.

Нет, только не это. Ни в коем случае. Вообще никому ничего не говори, ладно?

Ладно, конечно.

Он смотрит на нее, убеждается, что она это всерьез, потом кивает.

Ты же не виноват, что она с тобой так, говорит Марианна. Сам ты ничего плохого не делаешь.

Он тихо произносит: так почему же все думают, что она мне нравится?

Может, потому что ты вечно краснеешь, стоит ей заговорить с тобой. С другой стороны, ты вообще часто краснеешь, такое уж у тебя лицо.

Короткий, грустный смешок. Спасибо, говорит он.

Так это правда.

Да, я знаю.

Ты вот и сейчас покраснел, говорит Марианна.

Он закрывает глаза и прижимает язык к нёбу. Слышит смех Марианны.

Почему тебе так нравится говорить людям гадости? – спрашивает он.

Никакие это не гадости. Лично мне все равно, краснеешь ты или нет, я никому не скажу.

Ладно, не скажешь, но это не значит, что можно нести что вздумается.

Ну хорошо, говорит она. Прости.

Он поворачивается, смотрит через окно в сад. Это даже не просто сад, а скорее «угодья». Там есть теннисный корт и большая каменная статуя, фигура женщины. Он смотрит на «угодья», тянется лицом к прохладному окну. Когда в школе рассказывают историю про стирку блузки в раковине, все делают вид, что это смешно и только, но Коннеллу кажется, что смысл на деле в другом. Марианна не спала ни с кем из одноклассников, никто не видел ее без одежды, никто даже не знает, кто ей нравится, девочки или мальчики, – она про это молчит. Всех это бесит, и Коннелл думает: вот поэтому они и повторяют раз за разом эту историю, хотят заглянуть туда, куда их не пускают.

Я совсем не хочу с тобой ссориться, говорит она.

Да мы и не ссоримся.

Я подозреваю, что ты меня терпеть не можешь, но ты единственный, кто вообще со мной разговаривает.

С чего ты взяла, что я тебя терпеть не могу?

Это задевает в ней какую-то струнку, она поднимает голову. Он, растерявшись, продолжает смотреть в другую сторону, но краем глаза замечает, что она за ним наблюдает. Когда он разговаривает с Марианной, он чувствует какую-то необыкновенную близость между ними. Ей можно рассказать о себе все что угодно, даже самые нелепые вещи, и она никому не проболтается – это он знает

точно. Остаться с ней с глазу на глаз – все равно что открыть дверь, через которую выходят из нормальной жизни, и захлопнуть ее за своей спиной. Он ее не боится, ведь на самом деле она очень спокойная, но все равно с ней рядом страшно – из-за того, что он начинает вести себя как-то не так, говорить то, чего обычно никогда бы не сказал.

Пару недель назад он ждал Лоррейн в прихожей, а Марианна спустилась вниз в халате. В простом белом халате, завязанном, как их обычно завязывают. Волосы у нее были мокрые, кожа блестела – видимо, она только что нанесла на лицо крем. Увидев Коннелла, она замерла на ступеньках и сказала: прости, я не знала, что ты здесь. Может, она слегка смутилась, но не то чтобы сильно. Потом она ушла в свою комнату. Она ушла, а он остался ждать в прихожей. Он знал, что она, скорее всего, одевается у себя в комнате и, когда спустится, на ней будет та одежда, которую она решила надеть, увидев его в прихожей. Но Лоррейн собралась раньше, чем появилась Марианна, и он так и не узнал, что она в результате надела. Не то чтобы это было ему очень интересно. В школе он, разумеется, никому об этом не рассказал – что видел ее в халате, что она смутилась: других это не касается.

Знаешь, ты мне нравишься, говорит Марианна.

Он несколько секунд молчит, и близость между ними делается мучительной, почти физически давит ему на лицо и тело. И тут возвращается Лоррейн, повязывая шарф вокруг шеи. Она легонько стучит в дверь, хотя та и открыта.

Поехали? – говорит она.

Поехали, говорит Коннелл.

Спасибо вам за все, Лоррейн, говорит Марианна. Увидимся через неделю.

Коннелл шагает к кухонной двери, и тут мать его останавливает: мог бы и попрощаться, а? Он оглядывается через плечо и понимает, что не в силах посмотреть Марианне в глаза, вместо нее он обращается к полу: ну, пока. Ее ответа он не дожидается.

В машине Лоррейн пристегивается и качает головой. Ты бы с ней подружелюбнее, говорит она. Ей в школе непросто приходится.

Он вставляет ключ в зажигание, бросает взгляд в зеркало заднего вида. Я и дружелюбен, говорит он.

Она на самом деле очень ранимая, говорит Лоррейн.

Мы можем о чем-нибудь другом поговорить?

Лоррейн морщится. Он смотрит в лобовое стекло, сделав вид, что не заметил.

Через три недели

(февраль 2011 года)

Она сидит за туалетным столиком, глядя на свое лицо в зеркале. Линия щек и скул могла бы быть и почетче. Лицо похоже на экран монитора, глаза – два пульсирующих курсора. А еще оно напоминает отраженную луну, дрожащую и перекошенную. Оно выражает все сразу, то есть не выражает ничего. А раз так, решает она, краситься унизительно. Глядя в глаза собственному отражению, набирает на палец бесцветный бальзам для губ, наносит.

Когда она внизу снимает с крючка пальто, из гостиной выходит ее брат Алан.

Ты куда? – говорит он.

Куда надо.

А куда тебе надо?

Она засовывает руки в рукава пальто, поправляет воротник. Ей не по себе – остается надеяться, что молчание выглядит вызывающим, а не растерянным.

Так, погулять, говорит она.

Алан встает перед дверью.

Ну, уж точно не к друзьям, говорит он. Потому что нет у тебя никаких друзей.

Верно, нет.

Она безмятежно улыбается, надеясь, что это проявление покорности подействует и он отойдет от двери. Но он вместо этого спрашивает: а зачем ты так делаешь?

Как?

Да вот так странно улыбаешься.

Он передразнивает, морщит лицо в уродской ухмылке, обнажая зубы. Да, это ухмылка, но слишком наигранная, она выглядит сердитой.

А тебя устраивает, что у тебя нет друзей? – говорит он.

Нет.

Все с той же улыбкой она делает два шажка назад, а затем поворачивается и уходит на кухню – там есть выход в сад через патио. Алан идет следом. Хватает ее за руку, оттаскивает от двери. Она невольно стискивает зубы. Его пальцы сжимают руку сквозь ткань.

Попробуй потом маме нажаловаться, говорит Алан.

Нет, не буду. Я просто пойду погуляю. Спасибо.

Он ее отпускает, она выскальзывает через дверь патио, закрывает ее за собой. Снаружи холодно, зубы выстукивают дробь. Она проходит вдоль стены дома, по подъездной дорожке, за ворота. Рука выше локтя ноет там, где Алан схватил ее. Она достает из кармана телефон, пишет сообщение, то и дело попадая не по тем клавишам, стирая и набирая заново. Наконец готово: скоро буду. Тут же приходит ответ: классно, увидимся.

В конце прошлого семестра школьная футбольная команда вышла в финал каких-то соревнований, и тогда всю параллель сняли с трех последних уроков и отправили за нее болеть. Марианна никогда раньше не бывала на футболе. Спорт она вообще не любила, а на уроках физкультуры постоянно нервничала. В автобусе по дороге на стадион она слушала музыку в наушниках, никто с ней не разговаривал. Вид из окна: черные коровы, зеленые луга, белые дома с бурыми черепичными крышами. Футболисты ехали вместе на втором этаже автобуса, пили воду и для поднятия духа хлопали друг друга по плечу. Марианне казалось, что ее настоящая жизнь течет где-то очень далеко, течет без нее, а она даже не знает, найдет ли когда-нибудь в эту жизнь дорогу. В школе она ощущала это довольно часто, правда, как эта самая настоящая жизнь выглядит и течет, не представляла себе. Знала одно: когда она начнется, представлять ее уже будет не нужно.

Дождь во время матча не пошел. Привезли их для того, чтобы они стояли у края поля и болели. Марианна оказалась у самых ворот, рядом с Карен и другими девочками. Оказалось, что все, кроме нее, откуда-то знают наизусть школьные кричалки и песни, а она их отродясь не слышала. После первого тайма счет был ноль-ноль, и мисс Кини раздала всем пакетики сока и энергетические батончики. Во втором тайме команды поменялись воротами, школьные нападающие оказались рядом с Марианной. Центральным нападающим был Коннелл Уолдрон. Она видела, как он стоит на поле в игровой форме – блестящих белых шортах и школьной футболке с номером девять на спине. Стойка у него была ловкая, красивее, чем у других игроков. А вся фигура – будто проведенная кистью изысканная линия. Когда мяч попадал на их сторону поля, он перебегал с места на место и иногда резко вскидывал руку, а потом вновь стоял неподвижно. Следить за ним было приятно, при этом Марианна даже не предполагала, что он знает, где она стоит и что вообще ему есть до этого дело. Как-нибудь после уроков она ему скажет, что наблюдала за ним, а он посмеется и назовет ее чудачкой.

На семидесятой минуте Айдан Кеннеди вывел мяч на левый фланг и дал пас Коннеллу, а тот ударил с края штрафной площадки, над головами у защитников, – мяч влетел в ворота. Все завопили, даже Марианна, а Карен обхватила Марианну за талию и крепко сжала. Они хором скандировали, они только что стали свидетельницами волшебства, которое отменило их обычные отношения. Мисс Кини свистела и топала ногами. Коннелл и Айдан обнялись, точно братья после долгой разлуки. Коннелл был страшно красив. Марианна

вдруг поняла, как сильно ей хочется увидеть его с кем-нибудь в постели; не обязательно с ней, с кем угодно. Как прекрасно будет просто на него посмотреть. Она знала, что именно такие мысли отличали ее от других в школе, именно они делали ее странной.

Одноклассникам Марианны, похоже, нравится школа, они считают учебу совершенно нормальным делом. Каждый день надевать одну и ту же форму, подчиняться нелепым правилам, терпеть, что кто-то вечно следит за твоим поведением, – для них это нормально. Они не задыхаются в школьной атмосфере. У Марианны в прошлом году случился скандал с учителем истории мистером Керриганом – он заметил, что во время урока она смотрела в окно, – и никто из одноклассников не встал на ее сторону. А она в тот момент особенно отчетливо поняла, какой это бред – каждый день по принуждению надевать одну и ту же одежду и ходить с целым стадом по огромному зданию, где ей даже не разрешается посмотреть куда хочется – даже движения зрачков и те подпадают под школьные правила. Ты ничему не научишься, если будешь смотреть в окно и витать в облаках, сказал мистер Керриган. Марианну это вывело из себя, и она огрызнулась: не обольщайтесь, мне нечему у вас учиться.

Коннелл недавно сказал, что помнит эту историю и тогда ему показалось, что зря она так с мистером Керриганом – среди учителей он один из самых адекватных. Впрочем, я тебя понимаю, добавил Коннелл. Про то, что в школе чувствуешь себя словно заключенный, это мне понятно. Мог бы и позволить тебе смотреть в окно, с этим я согласен. Ты же никому не мешала.

После того разговора на кухне, когда она сказала, что он ей нравится, Коннелл стал приходить к ним чаще. Он заранее приезжал за мамой и просто торчал в гостиной, почти ничего не говоря, или стоял у камина, засунув руки в карманы. Марианна никогда не спрашивала, зачем он приезжает. Они перебрасывались парой фраз или она что-то рассказывала, а он кивал. Он сказал, что ей стоит прочитать «Коммунистический манифест», ей наверняка понравится, предложил записать название, чтобы она не забыла. Я знаю, как называется «Коммунистический манифест», сказала она. Он пожал плечами: ну, ладно. А потом улыбнулся и добавил: вот ты тут строишь из себя, а ведь ты его не читала. Тут она не выдержала и рассмеялась, а он рассмеялся в ответ. У них не получалось смеяться глаза в глаза, они смотрели по углам комнаты или себе под ноги.

Коннелл вроде бы понимал, как она относится к школе; говорил, что ему интересны ее взгляды. Их ты и на уроках наслушался, сказала она. Он хладнокровно ответил: в школе ты другая, не такая, как на самом деле. Он, видимо, считал, что у Марианны в запасе несколько личин и она с легкостью меняет одну на другую. Ее это удивляло, потому что самой ей казалось, что она заперта в одном-единственном облике, что ни делай и что ни говори. Как-то раз попыталась стать другой, провела такой эксперимент, но ничего не получилось. Если с Коннеллом она и выглядит другой, то это чисто внешняя разница, она связана не с ее личностью, а с ними, с их отношениями. Иногда он отвечал ей смехом, но чаще оставался молчаливым и непроницаемым, и после его ухода нервы у нее были натянуты, она чувствовала себя одновременно и взбудораженной, и страшно опустошенной.

На прошлой неделе он зашел следом за ней в кабинет – она хотела дать ему почитать «В следующий раз – пожар»[1 - «В следующий раз – пожар» (The Fire Next Time) – сборник эссе Джеймса Болдуина, издан в США в 1963 году. Один из текстов из сборника был опубликован в журнале «Иностранная литература» № 97 в 1964 году.]. Он стоял, изучая книжные полки; верхняя пуговица на рубашке расстегнута, галстук ослаблен. Она нашла книгу и протянула ему, он сел на подоконник и уткнулся взглядом в задник обложки. Она села рядом и спросила, знают ли его друзья Эрик и Роб, что он много читает сверх школьной программы.

Да больно им это интересно, сказал он.

Ты хочешь сказать, что окружающий мир их не интересует?

Коннелл едва заметно нахмурился – как всегда, когда она критиковала его друзей. Не совсем так, сказал он. У них свои интересы. Книги про расизм они вряд ли станут читать.

Ну да, им есть чем заняться – похвастаться, кого затащили в постель, сказала она.

Он чуть помедлил, насторожился, не зная, что ответить. Да, случается, сказал он. Я их не защищаю, иногда они и меня достают.

А тебе не противно их слушать?

Он снова помедлил. По большей части нет, сказал он. Некоторые вещи мне действительно кажутся перебором, и тогда мне, ясное дело, противно. Но, в конце концов, они же мои друзья. С тобой-то не так.

Она посмотрела на него, но он разглядывал обложку книги.

Почему не так? – спросила она.

Он пожал плечами, сгибая и разгибая обложку. Марианна задергалась. Лицу и ладоням стало жарко. Он не отводил глаз от книги, хотя явно уже прочитал весь текст на заднике. Она вслушивалась в движения каждой частички его тела, как будто даже воздух, шелохнувшийся от его дыхания, мог причинить ей боль.

Помнишь, ты на днях сказала, что я тебе нравлюсь? – сказал он. Там, на кухне, когда мы говорили про школу.

Угу.

Ты имела в виду – как друг или что?

Она скользнула взглядом к своим коленям. На ней была драповая юбка, в свете от окна она увидела, сколько ворсинок пристало к ткани.

Нет, не только как друг, сказала она.

А, ну ладно. Мне просто было интересно.

Он покивал, не вставая.

А я сам не пойму, что чувствую, добавил он. Мне кажется, если между нами что-то случится, в школе потом будет неловко.

Можно же никому не говорить.

Он посмотрел ей в глаза, очень внимательно. Она знала, что он ее сейчас поцелует, и он так и сделал. Губы у него были мягкие. Язык слегка пробрался к

ней в рот. А потом все закончилось, он отодвинулся. Вроде как вспомнил, что в руках у него книга, и снова уставился на обложку.

Было приятно, сказала она.

Он кивнул, сглотнул, еще раз посмотрел на книгу. Он так смутился, словно упоминание о поцелуе было каким-то хамством с ее стороны, – Марианна рассмеялась. Он в ответ залился краской.

Ну, сказал он. И что тут смешного?

Да ничего.

Можно подумать, ты раньше никогда не целовалась.

На самом деле никогда, сказала она.

Он закрыл лицо ладонью. Она снова рассмеялась – ей было не остановиться, – и он рассмеялся тоже. Уши у него раскраснелись, он тряс головой. А через несколько секунд встал, держа книгу в руке.

В школе не говори об этом никому, ладно? – произнес он.

Так я и сказала кому-то в школе.

Он вышел. Она, ослабев, сползла со стула на пол, вытянув перед собой ноги, как тряпичная кукла. Там, на полу, ей показалось, что Коннелл приходил к ним только ради того, чтоб ее испытать, и она выдержала испытание, и поцелуем он хотел сказать: ты справилась. Она вспоминала, как именно он рассмеялся, услышав, что она никогда раньше ни с кем не целовалась. У любого другого этот смех прозвучал бы жестоко, а у него нет. Они вместе смеялись над ситуацией, в которую угодили, хотя Марианна не до конца понимала, как описать эту ситуацию и что в ней смешного.

На следующий день перед уроком немецкого она сидела и смотрела, как одноклассники спихивают друг друга с батареи в гардеробе, визжа и хихикая. Когда начался урок, все они молча выслушали аудиозапись – какая-то немка

рассказывала, как пропустила вечеринку. Es tut mir sehr leid[2 - Мне очень жаль (нем.).]. Днем пошел снег, тяжелые серые хлопья пролетали мимо окон и таяли на гравии. Все сделалось непривычно чувственным: затхлый воздух в классах, жестяное дребезжанье звонка в конце урока, суровые темные деревья, стоявшие призраками вокруг баскетбольной площадки. Медленная неинтересная работа: разноцветными ручками переписывать заметки на бело-голубую линованную бумагу. Коннелл, как и всегда, с Марианной в школе не заговаривал, даже не смотрел на нее. Она следила, как он в другом конце класса спрягает глаголы, покусывая кончик ручки. Как в обед стоит с друзьями в другом конце столовой и чему-то улыбается. Их общая тайна лежала в ее теле приятным грузом, давила на тазовую кость при каждом движении.

После уроков она его не видела ни в тот день, ни на следующий. В четверг у его мамы был рабочий день, и он опять приехал за ней пораньше. Дверь открыла Марианна – больше дома никого не было. Он успел снять школьную форму и надеть черные джинсы и свитер. При виде его ей захотелось сбежать, спрятать лицо. Лоррейн на кухне, сказала она. А потом повернулась, пошла наверх в свою комнату и закрыла дверь. Лежала на кровати ничком и дышала в подушку. Что этот Коннелл за человек? Ей казалось, что она знает всю его подноготную, но откуда такое чувство? Только потому, что он один раз ее поцеловал, без всяких объяснений, а потом велел никому не говорить? Через минуту-другую в комнату постучали, она села. Входи, сказала она. Он открыл дверь и, бросив на нее вопросительный взгляд – рады ли ему тут, – вошел и закрыл за собой.

Ты на меня злишься? – спросил он.

Нет. С чего бы?

Он пожал плечами. Не спеша подошел к кровати, сел. Она сидела, скрестив ноги по-турецки, обхватив лодыжки руками. Несколько секунд прошли в молчании. А потом он уложил ее на кровать. Дотронулся до ноги, когда она откинулась на подушку. Тут она, осмелев, спросила, поцелует ли он ее еще раз. Он сказал: а ты как думаешь? Ей эта фраза почему-то показалась очень загадочной и многозначительной. Как бы то ни было, он ее поцеловал. Она сказала, что ей приятно, а он промолчал. Она поняла, что готова на все, только бы ему понравиться, только бы он сказал вслух, что она ему нравится. Он просунул руку ей под форменную блузку. Она сказала ему на ухо: снимем одежду? Его рука скользнула ей в лифчик. Ни в коем случае, ответил он. Это безумие, Лоррейн же внизу. Маму он всегда называл по имени. Марианна сказала: она сюда, наверх,

никогда не поднимается. Он покачал головой и сказал: нет, нужно прекратить. А потом сел и посмотрел на нее сверху вниз.

А ты едва не поддался искушению, сказала она.

Да в общем нет.

И это я тебя искушала.

Он с улыбкой покачал головой. Какая ты все-таки странная, сказал он.

И вот она стоит на подъездной дорожке к его дому, рядом с его машиной. Адрес он ей прислал эсэмэской: дом 33 – заурядный оштукатуренный таунхаус, тюлевые занавески, крошечный забетонированный дворик. Она видит, как в окне на верхнем этаже зажигается свет. Трудно поверить, что он живет именно здесь, в доме, в котором она никогда не бывала, – да и не видела она его никогда. На ней черный свитер, серая юбка, дешевое черное нижнее белье. Она тщательно выбрила ноги, подмышки гладкие, с налетом дезодоранта, из носа слегка течет. Она звонит, слышит его шаги на лестнице. Он открывает дверь. Прежде чем впустить, бросает взгляд ей за спину – убедиться, что ее появления никто не видел.

Через месяц

(март 2011 года)

Они говорят о том, куда будут поступать. Марианна лежит, небрежно прикрывшись простыней, а Коннелл сидит, держа на коленях ее макбук. Она собирается в Тринити-колледж, на политологию. Он пока подал документы на юридический в Голуэй, но, возможно, еще передумает, потому что, как отметила Марианна, юриспруденция его не интересует. Он вообще не может представить себя юристом – в галстуке и все такое, вдруг еще придется кого-то судить за преступления. А подал он туда документы потому, что больше ничего не придумал.

Тебе нужно заниматься английской филологией, говорит Марианна.

Ты правда так думаешь или шутишь?

Я серьезно. Это единственный школьный предмет, который тебе действительно нравится. А все свободное время ты читаешь.

Он невидящими глазами смотрит на экран, потом на тонкую желтую простыню поверх ее тела – она отбрасывает ей на грудь лиловый треугольник тени.

Не все свободное время, говорит он.

Она улыбается. А еще на филологическом одни девчонки, говорит она, так что успех тебе обеспечен.

Угу. Только непонятно, что потом с работой.

Да какая разница? Экономика все равно в полной заднице.

Экран ноутбука почернел, Коннелл касается тачпада, чтобы его оживить. В ответ на него таращится страница для абитуриентов.

После их первого раза Марианна осталась у него на ночь. Прежде он никогда еще не был с девственницей. Да и вообще опыта у него в этом смысле было немного, причем каждый раз с девчонками, которые потом трезвонили об этом на всю школу. Он наслушался в раздевалке о себе: о собственных ошибках и, хуже того, о мучительных попытках нежности, напоминавших нелепую пантомиму. С Марианной все было не так: случившееся осталось между ними, включая все сложности и неловкости. С ней он мог делать и говорить все, что захочется, – никто не узнает. Одна мысль об этом дарила какую-то головокружительную легкость. Когда он до нее дотронулся той ночью, она оказалась удивительно мокрой, и закатила глаза, и произнесла: Боже, да. Ей можно было это говорить – никто не узнает. Он испугался, что кончит от одного этого прикосновения к ней.

На следующее утро он поцеловал ее в прихожей на прощание, и вкус ее губ оказался чуть терпкий, вкус зубной пасты. Спасибо, сказала она. И ушла, прежде

чем он сообразил, за что его благодарят. Он бросил постельное белье в стиральную машину, достал свежее. Думал о том, какой Марианна скрытный и независимый человек, о том, что она пришла к нему и позволила с ней переспать, что у нее нет ни малейшей потребности кому-то об этом рассказывать. У нее все получается естественно и так, будто не имеет для нее никакого значения.

Днем вернулась Лоррейн. Еще даже не положив ключи на стол, сказала: там что, стиралка работает? Коннелл кивнул. Лоррейн села на корточки и посмотрела сквозь стеклянное окошко в барабан, где крутились в пене простыни.

Спрашивать не буду, сказала она.

О чем?

Она стала набирать воду в чайник, он склонился над столешницей.

Зачем ты белье стираешь, сказала она. Не буду спрашивать.

Он закатил глаза, чтобы хоть что-нибудь сделать с лицом. Ты всегда думаешь самое плохое, сказал он.

Она рассмеялась, поставила чайник на базу, нажала кнопку. Прости, сказала она. Наверное, из всех мам в вашем классе я самая безответственная. Да делай что хочешь, только предохраняйся.

Он ничего не ответил. Чайник почти согрелся, она сняла с полки чистую чашку.

Ну? – сказала она. Так ответ – да?

Ответ на что? Разумеется, я в твое отсутствие не занимался сексом, не предохраняясь. Еще не хватало.

Да ладно, а зовут-то ее как?

Тут он вышел из комнаты и, поднимаясь по лестнице, слышал мамин смех. Вечно она потешается над его жизнью.

В понедельник в школе он не смотрел на Марианну и не общался с ней. Свою тайну он носил внутри, как что-то крупное и горячее, как перегруженный поднос с горячими напитками, который приходится повсюду таскать с собой, да так, чтобы не расплескать. А она была такой же, как обычно, будто ничего и не произошло, – как всегда, читала в раздевалке книжку и затевала бессмысленные споры. Во вторник во время обеда Роб стал расспрашивать, как там мама Коннелла работает в доме у Марианны, но Коннелл просто жевал, стараясь не выдать эмоций.

А ты сам-то там иногда бываешь? – спросил Роб. В этом их особняке.

Коннелл поиграл пакетиком с чипсами, заглянул внутрь. Угу, бывал пару раз, сказал он.

И как оно там внутри?

Он пожал плечами. Не знаю. Ну, понятное дело, места много.

А как она себя ведет в естественной среде обитания? – сказал Роб.

Понятия не имею.

Наверное, считает тебя своим дворецким, да?

Коннелл вытер рот тыльной стороной ладони. На ней остался жир. Чипсы были слишком соленые, а еще у него болела голова.

Да вряд ли, сказал он.

Но твоя мама – вроде как ее прислуга, да?

На самом деле уборщица. И приходит туда раза два в неделю, вряд ли они часто общаются.

А у Марианны нет такого колокольчика, в который она звонит, чтобы ее позвать? – сказал Роб.

Коннелл ничего не ответил. Ситуация с Марианной была ему непонятна. После разговора с Робом он решил: все кончено, переспал с ней разок, чтобы выяснить, каково оно, и больше встречаться не будет. Но, убеждая себя в этом, он уже слышал, как иной голос, в другой части мозга, говорит: будешь-будешь. Это была часть его сознания, о существовании которой он раньше не подозревал, какое-то необъяснимое стремление потакать порочным тайным желаниям. Днем на занятиях он поймал себя на том, что предается фантазиям – в конце урока математики или когда нужно было играть в лапту. Он представлял себе ее маленький влажный рот и внезапно задыхался – вдохнуть после удавалось с трудом.

В тот же день он заехал к ней после уроков. По дороге включил в машине радио на полную громкость, чтобы не думать о том, что делает. Когда они поднялись наверх, он не стал ничего говорить, предоставив это ей. Как здорово, повторяла она снова и снова. Как замечательно. Тело у нее было мягкое и белое, как тесто. Он идеально в нее вписался. Физически все было как-то правильно, и он впервые понял, почему секс толкает людей на всякие безумства. Собственно, он и вообще понял о взрослом мире много вещей, которые раньше казались загадочными. Но почему именно Марианна? Не такая уж она привлекательная. Некоторые вообще считают ее самой уродливой девчонкой в школе. Каким надо быть человеком, чтобы захотеть заниматься с ней этим? Но он, похоже, именно идиот, и занимается. Она спросила, хорошо ли ему, но он сделал вид, что не слышал. Она стояла на четвереньках, так что лица ее он не видел, не смог прочитать по нему, что она думает. А через несколько секунд она спросила гораздо тише: я что-то не так делаю? Он закрыл глаза.

Нет, сказал он. Мне хорошо.

Тут дыхание ее стало прерывистым. Он подтянул к себе ее бедра, потом слегка отпустил. Она будто бы задохнулась. Он повторил, и тогда она сказала, что сейчас кончит. Вот и здорово, сказал он. Сказал так, как будто для него это самое обычное дело. Решение приехать к Марианне вдруг показалось совершенно правильным и очень осмысленным – возможно, самым осмысленным из всего, что он сделал в своей жизни.

Когда они закончили, он спросил ее, что делать с презервативом. Она, не поднимая головы с подушки, ответила: просто брось на пол. Лицо ее было розовым и влажным. Он так и сделал, а потом откинулся на подушку, глядя на

люстру. Ты мне очень нравишься, сказала Марианна. Коннелл ощутил прилив какой-то приятной печали, от которой едва не расплакался. Случались у него такие моменты душевной муки, бессмысленные или как минимум непостижимые. Марианна – невероятно свободный человек, это он уже понял. А он – заложник всевозможных условностей. Ему не все равно, что о нем думают. Ему даже не все равно, что о нем думает Марианна, это он теперь понял точно.

Он много раз пытался записать свои мысли про Марианну, чтобы привести их в порядок. Движет им желание как можно точнее описать словами, как она выглядит и говорит. Ее волосы и одежду. Книгу «По направлению к Свану», которую она читает в обед в школьной столовой, с темной французской картиной на обложке и корешком мятного оттенка. Ее длинные пальцы, переворачивающие страницы. Она живет совсем не так, как остальные. Иногда демонстрирует такую житейскую мудрость – он с ней рядом полный невежда, а иногда выглядит такой наивной. Ему хочется понять, как устроена ее голова. Если он решает про себя удержаться от какого-то замечания по ходу их разговора, Марианна через секунду-другую обязательно спросит: «что?» В этом «что?» ему видится столько всякого разного: не только потрясающая, словно у судьи, способность замечать умолчания, но и стремление к полному взаимопониманию, представление, что любая недосказанность между ними – это неприятная помеха. Он записывает все это, длинными сложносочиненными предложениями, дыхание которых иногда прерывают точки с запятой, как будто ему хочется создать на бумаге точный облик Марианны, как будто можно сохранить ее во всей полноте для будущей рецензии. А потом он переворачивает страницу в тетради, чтобы не видеть, что получилось.

Ты о чем думаешь? – говорит Марианна.

И заправляет прядь волос за ухо.

Куда поступать, отвечает он.

Поступай в Тринити на английскую филологию.

Он снова смотрит на экран. В последнее время его не покидает острое ощущение, что в нем живут два разных человека и скоро придется выбирать, к которому прибиться навсегда, а от которого отказаться. Здесь, в Каррикли, у него привычная жизнь, привычные друзья. Если он поступит в университет в

Голуэе, он сможет общаться с теми же, с кем и всегда, будет жить так, как давно планировал: солидное образование, симпатичная подружка. Все станут говорить: вот молодец, прорвался. С другой стороны, можно, как и Марианна, поступить в Тринити. Там жизнь будет совсем другой. Нужно будет ходить на официозные ужины и беседовать о государственном долге Греции. Можно будет трахаться со всякими чудачками, на поверку – бисексуалками. Он сможет сказать им: а я читал «Золотую тетрадь»[3 - «Золотая тетрадь» (The Golden Notebook) – роман Дорис Лессинг, пер. с англ. Е. Мельниковой (СПб.: Амфора, 2009).]. Он ее действительно читал. После всего этого уже не вернешься в Каррикли, придется уехать куда-то еще – в Лондон или в Барселону. Вряд ли про него станут говорить: молодец, прорвался, одни решат, что он загубил свою жизнь, а другие и вовсе о нем забудут. А что подумает Лоррейн? Ей главное – чтобы он был счастлив, на пересуды ей наплевать. Но этот старый Коннелл, тот, которого знают все его друзья, – этот человек умрет или, хуже того, окажется погребен заживо и будет кричать из-под земли.

Тогда мы оба будем жить в Дублине, говорит он. И если случайно столкнемся, спорим, ты сделаешь вид, что мы незнакомы.

Поначалу Марианна молчит. Чем дольше молчание, тем тревожнее у него на душе – а может, ей действительно хочется сделать вид, что они незнакомы, и от мысли, что он не стоит ее внимания, охватывает паника, причем не только по поводу Марианны, но и по поводу будущего и собственных возможностей.

А потом она говорит: никогда, Коннелл, я не сделаю вид, что мы незнакомы.

После этого молчание становится совсем напряженным. Несколько секунд он лежит неподвижно. Да, в школе он делает вид, что они с Марианной незнакомы, но он вовсе не хотел поднимать эту тему. Это так, потому что так. Если узнают, чем он занимается с Марианной, да еще и тайком, игнорируя ее на людях, ему конец. По коридору будет не пройти – глаза будут следить за ним, как за серийным убийцей, или еще что похуже. Друзья и предположить не могут, что он извращенец, способный при свете дня, на трезвую голову сказать Марианне Шеридан: можно я кончу тебе в рот? В обществе друзей он – нормальный человек. А свою сокровенную жизнь они с Марианной ведут у него в комнате, где никому до них не добраться, а значит, нет никакой надобности смешивать два этих разных мира. Тем не менее совершенно ясно, что он где-то сбился в нынешнем разговоре, затронул тему, которой не хотел касаться, и теперь нужно как-то выкручиваться.

Правда не сделаешь? – говорит он.

Не сделаю.

Ладно, тогда подаю в Тринити на филологию.

В самом деле? – говорит она.

Ага. А что потом с работой, мне в любом случае не очень важно.

Она слегка улыбается в ответ, будто одержав победу в споре. Ему нравится, когда она радуется. В такие моменты ему кажется, что есть способ сохранить оба мира, оба варианта его жизни, что можно переходить из одного в другой, будто сквозь открытую дверь. Можно совместить уважение Марианны и популярность в школе, можно позволять себе тайные мнения и предпочтения, и не будет никаких конфликтов, не придется выбирать. Немного изворотливости – и чего бы не вести две разные жизни параллельно, не задаваясь вопросом, кто он такой и что с собой делать. Мысль кажется настолько утешительной, что несколько секунд он избегает встречаться с Марианной взглядом, чтобы луч надежды угас не сразу. Он прекрасно знает, что, посмотрев на нее, тут же перестанет в это верить.

Через полтора месяца

(апрель 2011 года)

Ее имя есть в списке. Она показывает вышибале удостоверение личности. Входит внутрь – в полумрак, пустоту, багровые отсветы; по обе стороны – две длинные барные стойки, ступени ведут на танцпол. Застоявшийся запах алкоголя с тусклым жестяным привкусом сухого льда. Другие девчонки из комитета по сбору средств уже сидят за столом, просматривая списки. Привет, говорит Марианна. Они оборачиваются, смотрят на нее.

Приветик, говорит Лиза. А ничего ты так приоделась.

Отлично выглядишь, говорит Карен.

Рейчел Моран не говорит ничего. Всем известно, что Рейчел самая популярная девчонка в школе, но произносить это вслух нельзя. Вместо этого все делают вид, что не замечают никакой социальной иерархии, где кто-то выкарабкался наверх, кто-то барахтается в середине, а кто-то осел на дно. Марианна иногда видит себя в самом низу этой лестницы, хотя порой ей кажется, что она вообще не там, не часть этого механизма, поскольку она не стремится к популярности и ничего ради нее не предпринимает. С этой удобной точки трудно разглядеть, какие преимущества дает пребывание на лестнице, причем даже тем, кто забрался на самый верх. Марианна почесывает плечо и говорит: спасибо. Кому-нибудь принести выпить? Я пойду себе возьму, могу и вам заодно.

Я думала, ты не пьешь спиртного, говорит Рейчел.

Мне бутылку кулера[4 - Кулер – напиток из вина, сока и газированной воды.] «Вест-коуст», говорит Карен. Раз уж предлагаешь.

Из всех спиртных напитков Марианна раньше пробовала только вино, однако по пути к бару решает заказать джин с тоником. Пока она делает заказ, бармен откровенно пялится на ее грудь. Марианна всегда думала, что такое бывает только на экране, и с особой пронзительностью ощущает себя женщиной. На ней тонкое черное платье, облегающее фигуру. В баре пока почти пусто, хотя мероприятие уже началось. Когда она возвращается, Карен многословно благодарит ее за напиток. Я твоя должница, говорит она. Да ладно, отмахивается Марианна.

Начинают собираться гости. Включают музыку – ремикс «Дестиниз чайлд», Рейчел вручает Марианне пачку лотерейных билетов, объясняет, почем их продавать. В комитет по сбору денег на выпускной вечер Марианну выбрали, можно сказать, по приколу, но помогать ей так и так придется. Взяв билеты, она все не отходит от девочек. Она привыкла наблюдать за ними издалека, практически с любопытством натуралиста, но сегодня, после разговоров и вежливых улыбок, она уже не зритель, а участник, причем не слишком желанный. Она продает билеты, доставая сдачу из кармашка сумки, берет еще выпить, поглядывает на дверь и разочарованно отворачивается.

Что-то парни запаздывают, говорит Лиза.

Марианна знает, кто именно из мальчиков имеется в виду: Роб, с которым Лиза то встречается, то нет, а также его друзья Эрик, Джек Хайнс и Коннелл Уолдрон. То, что они опаздывают, заметила и Марианна.

Не придут – я Коннелла придушу, говорит Рейчел. Он мне вчера пообещал, что они будут.

Марианна молчит. Рейчел часто вот так говорит про Коннелла, ссылаясь на беседы один на один, как будто они особенно близки. Коннелл на это не реагирует, впрочем, когда Марианна наедине намекает на эту тему, он не реагирует тоже.

Наверное, решили сперва накатить у Роба, говорит Лиза.

И сюда явятся уже никакие, говорит Карен.

Марианна достает из сумочки телефон и пишет Коннеллу сообщение: оживленно обсуждают ваше отсутствие. Вы вообще придете? Через полминуты приходит ответ: да джек зараза заблевал все вокруг пришлось его посадить в такси и пр. скоро будем. Марианна пишет: я новая школьная королева. Носят на руках по танцполу, скандируя мое имя. Прячет телефон в сумочку. Ей до невозможности хочется сказать: они скоро будут. Сколько изумления свалится на нее в этот миг, как подскочит ее статус, как пошатнется равновесие.

Хотя Марианна и прожила в Каррикли всю свою жизнь, город она знает довольно плохо. Она не заходит выпить в пабы на Главной улице и до сегодняшнего дня ни разу не бывала в единственном местном ночном клубе. Ее никогда не заносило в спальный район Нокльон. Она не знает, как называется бурая замызганная речушка, которая течет, подбирая по дороге полиэтиленовые пакеты, мимо универмага «Сентра» и за церковной парковкой, не знает, куда речушка впадает. Да и кто мог бы ей об этом рассказать? Кроме дома, она бывает только в школе, да, по принуждению, на воскресных службах, а еще у Коннелла, когда нет его мамы. Она знает, сколько ехать до Слайго – двадцать минут, но далеко ли до других соседних городков и велики ли они по сравнению с Каррикли, для нее загадка. Кулейни, Скрин, Баллисадар – вроде бы все они неподалеку от Каррикли, их названия о чем-то ей говорят, но где именно они находятся, она не знает. В спорткомплексе она не бывала ни разу. Никогда не

ходила выпивать на заброшенную шляпную фабрику, хотя и проезжала мимо на машине.

Кроме того, она понятия не имеет, какие семьи в городке считаются приличными, а какие – нет. Вот это ей как раз хотелось бы знать, чтобы объявить, что ее это не волнует совершенно. Она из хорошей семьи, а Коннелл – из плохой, это ей известно. Уолдроны пользуются в Каррикли дурной славой. Один из братьев Лоррейн сидел в тюрьме, за что – Марианна не знает, а другой несколько лет назад попал на мотоцикле в аварию на объездной дороге и едва выжил. Лоррейн тоже хороша – забеременела в семнадцать, бросила школу и родила. Тем не менее Коннелл пользуется у девушек успехом. Он отлично учится, играет в футбол, хорош собой, не встревает в драки. Все его любят. Характер спокойный. Даже Марианнина мама говорит с одобрением: парнишка будто и не из Уолдронов. Марианнина мама работает адвокатом. Папа тоже работал адвокатом.

На прошлой неделе Коннелл упомянул о какой-то «заброшке». Марианна никогда об этом не слышала, пришлось переспросить. Он страшно удивился. Ну, заброшка, сказал он. Заброшенный квартал, «Горный вид». Он же прямо за школой. Марианна смутно помнила, что за школой есть какая-то стройплощадка, но понятия не имела, что там жилой квартал, где теперь никто не живет. Туда ходят выпить, добавил Коннелл. А, сказала Марианна. Спросила, как оно там. Он сказал, здорово было бы тебе показать, но там всегда кто-нибудь ошивается. Он часто употребляет это «здорово». Здорово было бы, если бы ты осталась, когда она уходит, или: здорово было бы, если бы ты могла переночевать у меня. Марианна знает: если ему чего-то действительно хочется, все в результате происходит. Коннелл привык добиваться своего, а потом сильно переживает, если добился – а радости это не доставило.

В результате он все-таки показал ей заброшенный квартал. Однажды в середине дня они съездили туда на его машине: он вышел первым, убедиться, что рядом никого нет, а она следом. Огромные, с голыми бетонными фасадами дома, заросшие газоны. Часть пустых оконных проемов была закрыта листами пластика, они громко хлопали на ветру. Шел дождь, а куртку она оставила в машине. Скрестив руки на груди, она смотрела на мокрые шиферные крыши.

Внутрь хочешь заглянуть? – сказал Коннелл.

Дверь дома № 23 оказалась незапертой. Внутри было тише и темнее. Страшная грязь. Носком туфли Марианна пошевелила пустую бутылку из-под сидра. Повсюду валялись окурки, а в пустую гостиную кто-то притащил матрас. На матрасе проступили пятна сырости и, кажется, крови. Довольно мерзко, вслух сказала Марианна. Коннелл молча осматривался.

Часто ты здесь бываешь? – сказала она.

Он пожал плечами. Не очень, сказал он. Раньше чаще, а теперь – нет.

Пожалуйста, скажи, что ты ни с кем не спал на этом матрасе.

Он рассеянно улыбнулся. Нет, сказал он. А ты думаешь, что я именно этим и занимаюсь по выходным?

Вроде того.

Он ничего не ответил, отчего ей сделалось только муторнее. Коннелл бесцельно пнул смятую банку из-под пива – она отлетела к французским дверям.

Места здесь раза в три больше, чем у нас дома, сказал он. Тебе тоже так кажется?

Она почувствовала себя глупо, потому что не поняла, о чем он думает. Наверное, сказала она. Я же еще второго этажа не видела.

Четыре спальни.

Ничего себе.

И все заброшено, никто здесь не живет, сказал он. Если не могут продать, почему не раздать бесплатно? Я не прикидываюсь, я реально не понимаю.

Она пожала плечами. На самом деле она и сама этого не понимала.

Как-то это связано с капитализмом, сказала она.

Да. В том-то и беда, что все с ним связано, верно?

Она кивнула. А он взглянул на нее так, будто только что очнулся ото сна.

Тебе холодно? – сказал он. Похоже, ты замерзла.

Она улыбнулась, потерла нос. Он расстегнул черную дутую куртку и набросил ей на плечи. Они стояли совсем рядом. Он знал, что, если попросит, она ляжет на пол и позволит ему через себя переступить.

Я не бегаю за другими девчонками по выходным или еще когда, сказал он. Ничего такого.

Марианна улыбнулась и сказала: еще бы, это они бегают за тобой.

Он ухмыльнулся, посмотрел на носки ботинок. Смешные у тебя обо мне представления, сказал он.

Она обхватила пальцами его школьный галстук. Впервые в жизни у нее появилась возможность говорить грязные вещи и запретные слова, и она не стеснялась. А если я попрошу, чтобы ты меня здесь трахнул, ты это сделаешь? – сказала она.

Выражение его лица не изменилось, но руки переместились к ней под свитер, подтверждая: он все услышал. Через несколько секунд он ответил: если тебе этого хочется, да. Ты вечно заставляешь меня совершать что-то дикое.

Что это значит? – спросила она. Я вообще не в состоянии тебя заставить.

Еще как в состоянии. Ты думаешь, я бы еще с кем-то стал делать такое? Серьезно, думаешь, кто-то смог бы меня заставить забраться сюда после уроков и вообще?

И чего ты от меня хочешь? Чтобы я оставила тебя в покое?

Он взглянул на нее, явно ошарашенный таким поворотом разговора. Покачал головой и сказал: если бы ты это сделала…

Она посмотрела на него, но он ничего не добавил.

Если бы я сделала что? – сказала она.

Не знаю. В смысле если бы ты больше не захотела со мной встречаться? Честно говоря, я бы удивился, потому что вроде бы тебе это приятно.

А если я встречу другого, кому понравлюсь сильнее?

Он рассмеялся. Она сердито отвернулась, вырвалась из его рук, обхватила себя за плечи. Он сказал: эй, – но она не обернулась. Она смотрела на гнусный матрас, покрытый ржавыми пятнами. Он осторожно подошел к ней сзади, приподнял ее волосы и поцеловал в шею.

Прости за смех, сказал он. Просто когда ты говоришь, что не хочешь больше со мной встречаться, мне делается не по себе. Мне казалось, я тебе нравлюсь.

Она закрыла глаза. Ты мне действительно нравишься, сказала она.

Так вот, если ты встретишь кого-то, с кем тебе будет лучше, я страшно обижусь, ясно? Раз уж ты спросила. Мне будет тяжело. Понятно?

Твой дружок Эрик сегодня перед всеми обозвал меня плоскогрудой.

Коннелл помолчал. Она чувствовала его дыхание. Я этого не слышал, сказал он.

Ты в туалете был или где-то еще. Он при всех заявил, что я – гладильная доска.

Мать его так, вот козел-то. Так ты поэтому не в настроении?

Она отмахнулась. Коннелл обнял ее, положив ладони на живот.

Он специально достает тебя, сказал он. Если бы он думал, что ему с тобой хоть что-то светит, он говорил бы совсем по-другому. Он просто считает, что ты его презираешь.

Она пожала плечами, покусывая нижнюю губу.

С внешностью у тебя вообще никаких проблем, сказал Коннелл.

Гм.

Уж поверь, ты мне не за один только ум нравишься.

Она рассмеялась, вдруг почувствовав, как все это глупо.

Он потерся носом о ее ухо и добавил: если ты меня бросишь, я буду очень скучать.

А в постели ты тоже будешь по мне скучать? – сказала она.

Он обнял ее сзади за бедра, притянул к себе и тихонько сказал: да, и очень.

А можем мы сейчас поехать к тебе?

Он кивнул. Несколько секунд они стояли молча, он обнимал ее, щекотал дыханием ухо. Большинство людей проживают целую жизнь, ни разу не ощутив такой близости, подумала Марианна.

В конце концов – она уже выпила третий джин с тоником – дверь распахивается, появляются мальчики. Девчонки из комитета вскакивают и принимаются их дразнить, ругать за опоздание, все такое. Марианна стоит в сторонке, пытается поймать взгляд Коннелла, но он ускользает. На нем – белая рубашка и те же кроссовки «Адидас», в которых он ходит всегда. Другие парни тоже в рубашках, но рубашки у них наряднее, наглаженнее, а на ногах – кожаные ботинки. В воздухе висит густой будоражащий запах лосьона после бритья. Эрик ловит взгляд Марианны и внезапно выпускает Карен – этого движения достаточно, чтобы все остальные тоже обернулись.

Ну надо же, Марианна, говорит Эрик.

Ей трудно сразу сообразить, всерьез он или издевается. Теперь на нее смотрят все мальчишки, кроме Коннелла.

Я серьезно, говорит Эрик. Отличное платье, жутко сексуальное.

Рейчел хихикает, нагибается к Коннеллу и шепчет что-то ему на ухо. Он слегка отворачивается и не смеется с другими. Марианна чувствует, как что-то давит в голове, и снять это можно только криком или слезами.

Пошли потанцуем, говорит Карен.

Ни разу не видела, чтобы Марианна танцевала, говорит Рейчел.

Ну, так сейчас увидишь, говорит Карен.

Карен берет Марианну за руку и тащит на танцпол. Звучит песня Канье Уэста, вариация на тему Кёртиса Мэйфилда. Марианна все еще держит в одной руке лотерейные билеты и чувствует, как потеет другая рука, которую сжимает Карен. Танцпол забит, дрожь от басовых нот проникает через туфли в ноги. Карен пьяно опирается рукой на плечо Марианны и говорит ей на ухо: не обращай на Рейчел внимания, она просто злится. Марианна кивает и двигается в такт музыке. Она тоже опьянела, и оглядывается, пытаясь понять, где Коннелл. И видит его сразу – он стоит на верхней ступеньке. Смотрит на нее. Громкая музыка пульсирует во всем ее теле. Вокруг Коннелла – смех и разговоры. А он просто молча смотрит на нее. Под его взглядом все ее движения кажутся преувеличенными, непристойными, рука Карен на плече делается чувственно-горячей. Марианна покачивает бедрами и проводит рукою по волосам.

Карен шепчет ей на ухо: а он с тебя глаз не сводит.

Марианна смотрит на него, потом снова на Карен, ничего не говорит, стараясь, чтобы и лицо ни о чем не сказало.

Теперь ты понимаешь, почему Рейчел на тебя злится, говорит Карен.

Марианна чувствует в дыхании Карен винные пары, видит ее пломбы. В этот момент Карен ей очень нравится. Еще немного потанцевав, они вдвоем

поднимаются по ступеням, держась за руки, запыхавшиеся, улыбаясь без всякого повода. Эрик и Роб в шутку ругаются. Коннелл делает почти незаметное движение в сторону Марианны, их руки соприкасаются. Ей хочется схватить его ладонь и облизать кончик каждого пальца по очереди.

Рейчел поворачивается к ней и говорит: ты вообще билеты-то собираешься продавать?

Марианна улыбается, улыбка выходит заносчивая, едва ли не презрительная и говорит: хорошо.

Вон те пацаны наверняка захотят купить, говорит Эрик.

Он кивает в сторону двери – в нее только что вошли парни постарше. Вообще-то им здесь быть не положено, вход в ночной клуб сегодня только по билетам. Марианна не знает, кто они такие, наверняка чьи-то братья – родные или двоюродные, или просто амбалы за двадцать, которые решили заглянуть на школьный благотворительный вечер. Увидев, что Эрик им машет, они подходят. Марианна нашаривает кармашек на сумочке, где лежит сдача, – на случай, если они все-таки купят билеты.

Как жизнь, Эрик? – говорит один из них. Которая тут твоя подружка?

Это Марианна Шеридан, говорит Эрик. Вы наверняка знаете ее брата. Алан, в одной параллели с Миком учился.

Парень просто кивает, смерив Марианну взглядом. Ее этот знак внимания оставляет безразличной. В грохоте музыки не разобрать, что Роб говорит Эрику на ухо, но Марианна чувствует, что это связано с ней.

Давай угощу, говорит парень. Что пить будешь?

Нет, спасибо, говорит Марианна.

Тогда он кладет руку ей на плечи. Она замечает, что он очень высокий. Выше Коннелла. Пальцы скользят по ее голому предплечью. Она пытается сбросить руку, но парень не отстает. Один из его дружков хохочет, Эрик присоединяется.

Классное платье, говорит парень.

Отпусти меня, пожалуйста, говорит она.

И вырез-то какой здоровый, а?

Он одним движением снимает руку с ее плеча и стискивает ее правую грудь, прямо у всех на глазах. Она отшатывается, вздергивая платье до самых ключиц, чувствует, как лицо наливается кровью. Взгляд ее так и жалит, там, где он ее схватил, разливается боль. За спиной у нее раздается смешок. Она это слышит. Смеется Рейчел, в ушах Марианны звук пронзительно дребезжит.

Марианна, не оборачиваясь, выходит, дверь хлопает у нее за спиной. Она в вестибюле, у гардероба, и не может вспомнить, справа выход или слева. Ее трясет. Гардеробщик спрашивает, все ли в порядке. Марианна не понимает, насколько она пьяна. Делает несколько шагов к дверям слева, прислоняется спиной к стене и сползает на пол. Грудь, за которую ее схватил тот парень, болит. Он не шутил, он действительно хотел сделать ей больно. Оказавшись на полу, она обхватывает руками колени.

Дальняя дверь снова открывается, выходит Карен, за ней – Эрик, Рейчел и Коннелл. Они видят Марианну на полу, Карен подбегает, остальные остаются стоять, не зная, что делать, а может, просто не желая вмешиваться. Карен опускается перед Марианной на корточки, дотрагивается до ее руки. В глазах у Марианны слезы, она не знает, куда смотреть.

Ты как, нормально? – говорит Карен.

Все хорошо, говорит Марианна. Простите. Я, наверное, слишком много выпила.

Брось ты ее, говорит Рейчел.

Да ладно, это он просто пошутил, говорит Эрик. На самом деле Пэт нормальный парень, если его узнать получше.

По-моему, вышло забавно, говорит Рейчел.

Тут Карен рывком оборачивается и смотрит на них. Если вам забавно, так чего вы сюда приперлись? – говорит она. Идите тогда и радуйтесь жизни со своим дружком Пэтом. По-вашему, приставать к малолетним девчонкам – забавно?

Это Марианна-то малолетняя? – говорит Эрик.

Да мы там все обхохотались, говорит Рейчел.

Неправда, говорит Коннелл.

Все оборачиваются и смотрят на него. Марианна тоже. Глаза их встречаются.

Ты в порядке? – говорит он.

Ты ее еще поцелуй в утешение, говорит Рейчел.

Коннелл сильно краснеет, касается брови. Все так и смотрят на него. Марианна чувствует спиною холод стены.

Рейчел, говорит он, отвали, блин.

Тут Карен с Эриком переглядываются, широко открыв глаза, – Марианна это видит. В школе Коннелл никогда так не поступает. За все эти годы она ни разу не видела, чтобы он разозлился, даже когда его доставали. Вскинув голову, Рейчел уходит обратно в зал. Дверь с грохотом затворяется. Коннелл еще секунду потирает бровь. Карен что-то шепчет Эрику одними губами, что именно, Марианна не понимает. А потом Коннелл смотрит на Марианну и говорит: хочешь домой? Я за рулем, могу тебя подвезти. Она кивает. Карен помогает ей встать с пола. Коннелл прячет руки в карманы, будто бы боится случайно до нее дотронуться. Прости за переполох, говорит Марианна Карен. Я чувствую себя полной дурой. Не привыкла пить.

Да ты ни в чем не виновата, говорит Карен.

Спасибо, ты такая хорошая, говорит Марианна.

Они еще раз сжимают друг другу руки. Марианна идет следом за Коннеллом к выходу, затем мимо гостиницы, к машине. Снаружи темно и прохладно, за спиной слабо пульсирует музыка из клуба. Она садится на пассажирское сиденье, пристегивается. Он закрывает водительскую дверь, вставляет ключ в зажигание.

Прости за переполох, говорит она снова.

Не ты же его устроила, говорит Коннелл. Прости, что все так глупо себя повели. Они считают Пэта крутым, потому что он иногда устраивает дома вечеринки. Получается, типа, что если ты устраиваешь вечеринки, тебе можно издеваться над людьми.

Мне было больно. Правда.

Коннелл ничего не говорит. Просто стискивает руль обеими руками. Смотрит на свои колени и шумно выдыхает – почти что кашляет. Прости, говорит он. Двигается с места. Несколько минут они едут молча, Марианна остужает лоб об оконное стекло.

Хочешь заехать ко мне ненадолго? – говорит он.

А Лоррейн разве не дома?

Он пожимает плечами. Постукивает пальцами по рулю. Она, скорее всего, уже спит, говорит он. В смысле посидим немножко, а потом я отвезу тебя. Не хочешь – ничего страшного.

А если она еще не легла?

Да ладно, она из-за таких вещей вообще не заморачивается. В смысле вряд ли ее это смутит.

Марианна смотрит в окно на город. Она знает, что он хочет сказать: он не против, если его мать узнает про их отношения. Может, она уже знает.

Похоже, Лоррейн – отличная мама, замечает Марианна.

Да. Наверное.

И наверняка тобой гордится. Ты – единственный парень в школе, который вырос хорошим человеком.

Коннелл бросает на нее взгляд. В каком смысле – хорошим? – говорит он.

Как это в каком? Тебя все любят. И, в отличие от большинства, ты действительно очень симпатичный.

Смысл его гримасы ей понять не удается, он то ли приподнимает брови, то ли хмурится. Они подъезжают к его дому – окна темные, Лоррейн уже легла. Они поднимаются к Коннеллу, ложатся рядом и шепчутся. Он говорит, что она очень красивая. Раньше она этого никогда не слышала, хотя в глубине души и догадывалась, но услышать такое от кого-то еще – совсем другое дело. Она прикладывает его руку к своей груди, туда, где больно, он целует ее. Лицо у нее мокрое, она плакала. Он целует ее в шею. Как ты, в порядке? – говорит он. Она кивает, он гладит ее по волосам и говорит: не переживай, ты по делу расстроилась. Она зарывается лицом ему в грудь. Ей кажется, что она превратилась в мягкую тряпочку, которую только что выжали, но с нее все еще стекают капли.

Ты бы никогда не ударил девочку, правда? – говорит она.

Нет, конечно. Ни за что. А почему ты спрашиваешь?

Не знаю.

Ты думаешь, я только тем и занимаюсь, что бью девчонок? – говорит он.

Она крепко-крепко прижимается лицом к его груди. А мой отец бил маму, говорит она. Несколько секунд, которые тянутся целую вечность, Коннелл молчит. А потом говорит: господи. Какой ужас. Я не знал.

Да ладно, говорит она.

А тебя он бил?

Случалось.

Коннелл снова умолкает. Ложится, целует ее в лоб. Я никогда и пальцем тебя не трону, говорит он. Никогда. Она молча кивает. Мне с тобой очень здорово, говорит он. Проводит ладонью по ее волосам и добавляет: я люблю тебя. Это не просто слова, правда люблю. Глаза ее снова наполняются слезами, она закрывает их. Даже в памяти этот миг навсегда останется наполненным огромным смыслом, и она знает это уже сейчас, пока все происходит. Она никогда не верила, что ее кто-то полюбит. А теперь начинается новая жизнь, это первый ее миг, и даже когда пройдет много лет, она будет считать так же: да, вот таким и было начало моей новой жизни.

Через два дня

(апрель 2011 года)

Он стоит рядом с кроватью, пока мама ходит за медсестрой. И больше на тебе ничего нет? – говорит бабушка.

Гм? – говорит Коннелл.

Ты только в этом джемпере и пришел?

А, говорит он. Да.

Замерзнешь. И сам сюда попадешь.

Утром бабушка поскользнулась на парковке рядом с «Алди», упала прямо на бедро. В отличие от многих других пациентов она еще совсем не старая, пятьдесят восемь лет. Маме Марианны столько же, вспоминает Коннелл. Но, как бы то ни было, бедро бабушка, похоже, повредила, может, даже сломала, и Коннеллу пришлось везти Лоррейн в Слайго в больницу. На соседней кровати кто-то кашляет.

Да ничего, говорит Коннелл. Тепло на улице.

Бабушка вздыхает, как будто его слова о погоде причиняют ей боль. Похоже, все, что он делает, причиняет ей боль, она ненавидит его за неистребимое жизнелюбие. Она критически осматривает его с ног до головы.

Да уж, совсем ты не похож на свою мамашу, говорит она.

Да, говорит он. Не похож.

Лоррейн и Коннелл внешне действительно совсем разные. Лоррейн – блондинка, с мягким округлым лицом. Мальчишкам в школе она нравится, и они часто Коннеллу про это говорят. Она, видимо, вообще нравится мужчинам, ну и ладно, его это не оскорбляет. У Коннелла волосы темнее, а лицо угловатое – художник мог бы таким изобразить преступника. Впрочем, он прекрасно знает, что бабушкино замечание никак не связано с его внешностью, это шпилька в адрес его отца. Ну, ладно, на это ему сказать нечего.

Кто стал отцом Коннелла, не знает никто, кроме Лоррейн. Она говорит: когда надумаешь – спросишь, но ему действительно не интересно. Иногда на вечеринках друзья задают ему этот вопрос – можно подумать, это нечто важное и многозначительное, о чем можно говорить только на нетрезвую голову. Коннелла это расстраивает. Он вообще не думает про мужчину, обрюхатившего Лоррейн, да и с какой радости? Все его друзья просто помешаны на своих отцах и из кожи вон лезут, чтобы быть на них похожими или не похожими – кто как. Когда они ругаются с отцами, всегда выходит, что на поверхностном уровне их разногласия значат одно, а на более тайном и глубинном – совсем другое. Если Коннелл и ругается с Лоррейн, так из-за мокрого полотенца на диване или чего-нибудь в этом роде, причем речь идет именно о полотенце или, в крайнем случае, об общей безалаберности Коннелла, потому что он хочет, чтобы Лоррейн видела в нем ответственного человека, несмотря на его привычку разбрасывать полотенца, а Лоррейн говорит, что, если бы он хотел, чтобы она видела в нем ответственного человека, он бы и вел себя по-взрослому – все в таком духе.

В конце февраля он возил Лоррейн на избирательный участок, по дороге она спросила, за кого он собирается голосовать. За кого-нибудь из независимых кандидатов, ответил он неопределенно. Она рассмеялась. Да ладно, сказала она. За коммуниста Деклана Бри. Коннелл не поддался на провокацию и

продолжал смотреть на дорогу. На мой вкус, немного коммунизма нашей стране не помешало бы, сказал он. Краем глаза увидел, что Лоррейн улыбается. Не дрейфь, товарищ, сказала она. Это я научила тебя уважать социалистические ценности, помнишь? Что верно, то верно, у Лоррейн есть ценности, которые она готова отстаивать. Она интересуется Кубой и делом освобождения Палестины. В результате Коннелл проголосовал-таки за Деклана Бри, который все равно недобрал голосов. Два места получила «Фине Гэл», остальные – «Шинн Фейн». Лоррейн сказала: ну просто позорище. Поменяли одну шайку преступников на другую. Коннелл послал Марианне сообщение: фг в правительстве, мать твою. Она ответила: партия Франко. Ему пришлось искать в интернете, что это значит.

Недавно ночью Марианна сказала, что, по ее мнению, он вырос хорошим человеком. Сказала, что он симпатичный, что его все любят. Он поймал себя на том, что все время об этом думает. Приятно было возвращаться к этому мыслями. «Ты симпатичный, и все тебя любят». Чтобы испытать себя, он пытался некоторое время про это не думать, но потом мысль возвращалась к тому же, от этого вновь делалось хорошо, и он сдавался. Почему-то очень хотелось передать эти слова Лоррейн. Ему казалось, что это как-то обнадежит ее – но в чем? Она поймет, что ее единственный сын не стал никчемным человеком? Что она не зря прожила свою жизнь?

Я слышала, ты в Тринити поступать собрался, говорит бабушка.

Да, если баллов доберу.

Кто это тебя надоумил?

Он пожимает плечами. Она смеется, но смех звучит как насмешка. Ну, самое там тебе и место, говорит она. А изучать-то что будешь?

Коннелл давит желание вытащить из кармана телефон и посмотреть, который час. Английскую филологию, говорит он. На тетушек и дядюшек этот выбор произвел сногсшибательное впечатление, что сильно его смутило. Если он поступит, то будет иметь право на стипендию, но все равно летом придется работать, а весь учебный год – подрабатывать. Лоррейн не хочет, чтобы он во время учебы много работал, говорит – лучше занимайся побольше. Ему от ее слов не по себе, потому что английская филология – это не то образование, с которым можно найти нормальную работу, а ерунда какая-то, и тут он начинает

думать, что надо было все-таки подавать на юридический.

Лоррейн возвращается в палату. Туфли ее негромко шлепают по кафелю. Она заводит с бабушкой разговор о консультанте, который сейчас в отпуске, о докторе О’Малли и о рентгене. Все эти сведения она сообщает очень подробно, самое важное записывает на бумажке. Наконец бабушка целует его в щеку, и они выходят. В коридоре он дезинфицирует руки – Лоррейн стоит и ждет. А потом они спускаются по лестнице и выходят из больницы на яркий, липнущий к коже солнечный свет.

После того благотворительного вечера Марианна рассказала ему правду о своей семье. Он не знал, что ответить. Начал говорить, что любит ее. Оно само вышло – как вот отдергиваешь руку, дотронувшись до горячего. Она плакала и все такое, и он просто сказал, даже не думая. Было ли это правдой? Чтобы это понять, он еще слишком плохо знал жизнь. Сперва подумал, что было, раз уж сказал, зачем ему врать? А потом вспомнил, что иногда же врет, непреднамеренно, не зная зачем. Собственно, желание признаться Марианне в любви он испытывал не впервые, и не важно, правда это или нет, но впервые он поддался ему и произнес это вслух. Он заметил, как долго она думала, прежде чем заговорить, какой мучительной оказалась для него эта пауза, как будто она могла не ответить тем же, а когда она ответила, ему сразу стало легче, хотя, возможно, ее слова ничего не значили. Коннелл часто думал: здорово было бы узнать, как другие выстраивают отношения, и брать с них пример.

На следующее утро их разбудил звук ключа, который Лоррейн повернула в замке. День стоял солнечный, во рту у него пересохло, а Марианна сидела и одевалась. Она только и сказала: прости, прости меня. Видимо, они оба случайно уснули. А он же накануне собирался отвезти ее домой. Марианна надела туфли, он тоже оделся. Когда они вышли на лестницу, Лоррейн стояла в прихожей с двумя пакетами продуктов. На Марианне было вчерашнее платье, черное, с тонкими лямками.

Привет, лапушка, сказала Лоррейн.

Лицо Марианны засветилось, словно лампочка. Простите за вторжение, сказала она.

Коннелл с ней не говорил и к ней не прикасался. У него ныло в груди. Она вышла на улицу со словами: пока, простите, спасибо, еще раз простите. И закрыла за собой дверь еще до того, как он успел спуститься с лестницы.

Лоррейн сжала губы – казалось, она сдерживает смех. Помоги с продуктами, сказала она. Подала ему один из пакетов. Он пошел вслед за ней на кухню, поставил пакет на стол, даже не взглянув на него. Потирая шею, смотрел, как она распаковывает и убирает покупки.

Чего смешного-то? – спросил он.

Да незачем вот так сбегать только потому, что я домой вернулась, сказала Лоррейн. Я только рада ее видеть, сам знаешь, что мне Марианна очень нравится.

Он смотрел, как мама складывает полиэтиленовый пакет, чтобы использовать снова.

Ты думаешь, я ничего не знала? – спросила она.

Он на несколько секунд закрыл глаза, потом открыл снова. Пожал плечами.

Ну, я просекла, что здесь кто-то днем бывает, сказала Лоррейн. И я, сам знаешь, у нее в доме работаю.

Он кивнул, так и не проронив ни слова.

Тебе она, похоже, очень нравится, сказала Лоррейн.

Зачем ты все это говоришь?

Ты же из-за нее в Тринити собрался?

Он закрыл лицо руками. И тут Лоррейн рассмеялась, он это слышал. Теперь мне из-за тебя туда больше не хочется, сказал он.

Да ладно, прекрати.

Он заглянул в пакет, стоящий на столе, вытащил пачку макарон. Сосредоточенно отнес ее к шкафчику у холодильника, положил рядом с другими макаронами.

Так значит, Марианна – твоя девушка? – сказала Лоррейн.

Нет.

Как это так? Ты с ней спишь, но она не твоя девушка?

А вот теперь ты лезешь в мою жизнь, сказал он. Мне это не нравится, это не твое дело.

Он вернулся к пакету, вытащил упаковку яиц, поставил на стол рядом с подсолнечным маслом.

Это из-за ее матери? – сказала Лоррейн. Думаешь, она не одобрит такой выбор?

Чего?

Потому что она может, сам знаешь.

Не одобрит меня? – сказал Коннелл. Бред какой-то, чего я сделал-то?

Ну, она может решить, что мы им маленько не ровня.

Он уставился на мать через всю кухню – она как раз убирала дешевые овсяные хлопья в шкаф. Мысль о том, что Марианнина родня может считать себя лучше их с Лоррейн, относиться к ним свысока, раньше просто не приходила ему в голову. Он и сам удивился, как она его разъярила.

Она что, считает, что мы для них недостаточно хороши? – сказал он.

Не знаю. Может, еще и выясним.

Чтобы ты убирала у нее в доме, она, значит, не против, а чтобы твой сын общался с ее дочерью – ни-ни? Да не смеши меня. Просто какой-то девятнадцатый век, уржаться.

Что-то тебе, по-моему, не смешно, сказала Лоррейн.

А вот и смешно. Прямо умираю от смеха.

Лоррейн закрыла шкафчик и с любопытством посмотрела на него.

А зачем вы тогда прячетесь? – сказала она. Если не из-за Денизы Шеридан. Или у Марианны есть парень и ты не хочешь, чтобы он про это пронюхал?

Слушай, хватит меня допрашивать.

Значит, у нее все-таки есть парень.

Нет, сказал он. Но больше я тебе ни на какие вопросы отвечать не буду.

Лоррейн повела бровью, но ничего не сказала. Он взял со стола пустой пакет, смял в руке, да так и замер.

Ты ведь никому об этом не проболтаешься? – сказал он.

Что-то ты мутишь, правда. Почему никому нельзя говорить?

Он ответил, осознавая собственную бессердечность: потому что тебе от этого никакой пользы, а мне куча неприятностей. Подумал и хитроумно добавил: и Марианне тоже.

Да ну вас, сказала Лоррейн. Я и знать-то ничего не хочу.

Он все ждал, понимая, что однозначного обещания молчать так от нее и не добился, а она только всплеснула руками и сказала: слушай, мне, честное слово, есть о чем посплетничать, кроме твоих романов. Не переживай.

Он поднялся наверх, сел на свою кровать. Потом не помнил, сколько там просидел. Думал он про семью Марианны, про то, что она, мол, слишком для него хороша, и про то, что узнал от нее прошлой ночью. От одноклассников он слышал, что девчонки иногда выдумывают всякое, чтобы привлечь к себе внимание, – рассказывают, какие с ними приключались ужасы. То, что ему рассказала Марианна, явно рассчитано на привлечение внимания – ее, мол, бил папа, когда она была маленькой. А папы уже нет в живых, самому ему не оправдаться. Коннелл понимал, что Марианна запросто могла соврать, напрашиваясь на жалость, но одновременно он с полной отчетливостью сознавал, что это не так. Наоборот, она до последнего скрывала от него все самое плохое. Его передернуло от того, что он теперь знает про нее это, что они еще и этим повязаны.

Это было вчера. Сегодня утром он, как обычно, рано отправился в школу, и, когда подошел к своему шкафчику, чтобы положить туда учебники, Роб с Эриком принялись издевательски улюлюкать. Он, делая вид, что не замечает, опустил сумку на пол. Эрик хлопнул его по плечу и сказал: давай рассказывай. Обломилось тебе? Коннелл нащупал в кармане ключ от шкафчика и одновременно сбросил руку Эрика. Очень смешно, сказал он.

Я слышал, вы отчалили прямо как сладкая парочка, сказал Роб.

Было чего? – сказал Эрик. Только честно.

Разумеется, нет, сказал Коннелл.

Почему это разумеется? – сказала Рейчел. Все знают, что ты ей нравишься.

Рейчел сидела на подоконнике, медленно покачивая ногами, длинными, в чернильно-черных непрозрачных колготках. Коннелл не смотрел ей в лицо. Лиза сидела на полу напротив шкафчиков и доделывала домашнюю работу. Карен еще не пришла. Ему ее сильно не хватало.

Спорим, у них все было, сказал Роб. Хотя он, понятное дело, не расколется.

Если что, мы тебя не осудим, сказал Эрик, не такая уж она и страшная, когда постарается.

Да, только головой тронутая, сказала Рейчел.

Коннелл сделал вид, что ищет что-то в шкафчике. На руках и под воротником выступил пот.

Чего вы все такие вредные? – сказала Лиза. Она вам что-то сделала?

Весь вопрос в том, что она сделала с Уолдроном, сказал Эрик. Вон, гляди, спрятался в своем шкафчике. Давай колись. Ты ее поимел?

Нет, сказал он.

Ну, лично мне ее жалко, сказала Лиза.

И мне тоже, сказал Эрик. Знаешь, Коннелл, нужно тебе как-то загладить вину. Например, пригласить ее на выпускной.

Тут все грохнули от смеха. Коннелл закрыл шкафчик и вышел, вяло покачивая сумкой в правой руке. Он слышал, как его окликают, но не обернулся. Дойдя до туалета, он заперся в кабинке. Желтые стены сомкнулись вокруг, лицо было скользким от пота. Он все думал, как сказал Марианне в постели: я люблю тебя. Это было до жути страшно, будто смотреть запись с камеры наблюдения, на которой совершаешь чудовищное преступление. А она скоро придет, положит учебники в сумку, улыбнется про себя – ни о чем не зная. «Ты очень симпатичный, и все тебя любят». Он глубоко судорожно вздохнул, а потом его вырвало.

На выезде из больницы он включает левый поворотник, чтобы вернуться на H16. В глубине глаз поселилась боль. Они едут вдоль торгового комплекса, дорога с обеих сторон обсажена темными деревьями.

Ты в порядке? – говорит Лоррейн.

Угу.

А чего такой мрачный?

Он вдыхает так, что ремень безопасности врезается в ребра, потом выдыхает.

Я пригласил Рейчел на выпускной, говорит он.

Чего?

Пригласил Рейчел Моран пойти со мною на выпускной вечер.

Они как раз приближаются к автосервису, Лоррейн быстро стучит по стеклу и говорит: остановись-ка там. Коннелл растерянно смотрит в ее сторону. Что? – говорит он. Она снова стучит по стеклу, сильнее, щелкая ногтями. Остановись, говорит она снова. Он торопливо включает поворотник, смотрит в зеркало, съезжает с шоссе, останавливается. Рядом с автосервисом кто-то моет фургон, оттуда бегут темные реки.

Тебе в магазине что-то нужно? – говорит он.

А с кем пойдет на выпускной Марианна?

Коннелл рассеянно сжимает руль. Не знаю, говорит он. Ты меня заставила остановиться, чтобы это обсудить, что ли?

Скорее всего, никто ее не пригласит, говорит Лоррейн. И она не пойдет вовсе.

Ну, может быть. Не знаю.

В обед, по дороге из столовой, он отстал от других. Он знал, что Рейчел его заметит и дождется, знал это точно. Она так и сделала, и тогда он почти полностью закрыл глаза – мир сделался белесо-серого цвета – и сказал: слушай, тебя уже кто-то пригласил на выпускной? Она сказала: нет. Он спросил, не хочет ли она пойти с ним. Ну, давай, сказала она. Только, знаешь, я рассчитывала на что-то более романтичное. На это он не ответил – ему казалось, он только что прыгнул с края пропасти и разбился насмерть, и очень рад тому, что умер, и никогда не хочет оживать снова.

А Марианна знает, что ты пригласил другую? – говорит Лоррейн.

Пока нет. Я ей скажу.

Лоррейн прижимает ладонь к губам, так что выражения ее лица ему не разобрать: удивление, возмущение – или ее сейчас вывернет.

А тебе не кажется, что тебе следовало бы пригласить ее? – говорит она. Учитывая, что ты каждый день трахаешь ее после школы.

Следи за речью.

Лоррейн резко вдыхает воздух, раздувая ноздри. А как ты хочешь, чтобы я выразилась? – говорит она. Может, я должна сказать, что ты используешь ее для удовлетворения своих сексуальных потребностей, так точнее?

Слушай, спокойно. Никто никого не использует.

И как, интересно, ты заставляешь ее молчать? Пригрозил чем-то страшным в случае, если она проболтается?

Да ну тебя, говорит он. Разумеется, нет. Это по взаимному согласию, ясно? Ты чего-то уж слишком разошлась.

Лоррейн кивает самой себе, смотрит сквозь лобовое стекло. Он нервно ждет.

В школе ее недолюбливают, верно? – говорит Лоррейн. А ты, значит, беспокоишься, что о тебе не так подумают, если узнают.

Он не отвечает.

Ладно, тогда я тебе скажу, что я об этом думаю, говорит Лоррейн. По-моему, ты подлец. Мне за тебя стыдно.

Он вытирает лоб рукавом. Лоррейн, говорит он.

Она открывает пассажирскую дверь.

Ты куда? – говорит он.

На автобусе доеду.

Да ты чего? Веди себя по-человечески.

Если я останусь в машине, наговорю такого, что сама потом пожалею.

Да в чем вообще дело? – говорит он. Какая тебе разница, с кем я пойду на выпускной? Тебя это вообще не касается.

Она распахивает дверь и вылезает из машины. Ну ты и странная, говорит он. В ответ она со всей силы захлопывает дверь. Он мучительно стискивает руль, но сам не двигается. Это, блин, моя машина! – мог бы он сказать. Я тебе что, позволил тут хлопать дверью? Лоррейн уже шагает прочь, сумочка ударяет ее по бедру в такт шагам. Он смотрит ей вслед, пока она не сворачивает за угол. Он два с половиной года работал после уроков в автомастерской, чтобы купить эту машину, и теперь возит на ней маму, потому что у нее самой нет прав. Он мог бы сейчас поехать за ней, опустить стекло, крикнуть, чтобы садилась обратно. Очень хочется так и сделать, хотя он и знает, что ничего не добьется. А потому просто сидит, положив голову на подголовник, и слушает собственное идиотское дыхание. Перед входом ворона клюет брошенный пакет из-под чипсов. Из магазина выходит семейство, у каждого по мороженому. В салон заползает запах бензина, тяжкий, как головная боль. Он запускает двигатель.

Через четыре месяца

(август 2011 года)

Она в саду, на носу солнечные очки. Уже несколько дней стоит ясная погода, и на плечах у нее появились веснушки. Она слышит, как открылась задняя дверь, но не двигается с места. Из патио раздается голос Алана: Энни Кирни набрала пятьсот семьдесят баллов! Марианна не отвечает. Шарит в траве в поисках лосьона от загара, потом садится, чтобы намазаться, и видит, что Алан говорит по телефону.

Эй, а кое у кого в вашей параллели шестьсот балов! – орет он.

Она выдавливает лосьон в ладонь левой руки.

Марианна! – говорит Алан. Не слышишь, что ли: кто-то из ваших сдал все на «отлично».

Она кивает. Медленно наносит лосьон на правую руку, она начинает блестеть. Алан пытается выяснить, кто набрал шестьсот баллов. Марианна сразу же поняла кто, однако молчит. Намазывает и левую руку, а потом тихонько откидывается в шезлонге, лицом к солнцу, и закрывает глаза. Под опущенными веками пробегают зеленые и красные полосы света.

Она сегодня не завтракала и не обедала, ограничившись двумя чашками сладкого кофе с молоком. Этим летом у нее совсем нет аппетита. Проснувшись утром, она включает ноутбук, стоящий на второй подушке, и ждет, когда глаза приспособятся к мерцанию прямоугольного экрана, чтобы прочитать новости. Читает длинные статьи про Сирию, потом выясняет идеологические предпочтения написавших их журналистов. Читает длинные статьи про кризис государственного долга в странах Европы, увеличивает диаграммы, чтобы разобрать мелкий шрифт. А потом либо опять засыпает, либо идет в душ, либо ложится и доводит себя до оргазма. Остаток дня проходит примерно так же, с небольшими вариациями: иногда она раздергивает занавески, иногда нет, иногда завтракает, иногда только пьет кофе – его она уносит к себе наверх, чтобы не встречаться с родными. Но сегодня утром все, конечно, по-другому.

Слышь, Марианна, говорит Алан. Это Уолдрон! У Коннелла Уолдрона шестьсот баллов!

Она не двигается. А Алан говорит в трубку: нет, у нее только пятьсот девяносто. Наверняка бесится, что ее кто-то обскакал. Ты бесишься, Марианна? Она его слышит, но молчит. Веки под темными очками кажутся липкими. Мимо пролетает, жужжа, какое-то насекомое.

А Уолдрон там, рядом? – говорит Алан. Дай ему трубку.

А почему ты его называешь «Уолдрон», как будто он твой друг? – говорит Марианна. Вы же едва знакомы.

Алан поднимает глаза от телефона и ухмыляется. Мы с ним прекрасно знакомы, говорит он. Вон, вчера у Эрика дома виделись.

Она уже жалеет, что открыла рот. Алан ходит по патио, она слышит шорох его шагов, когда он спускается на траву. В трубке раздается голос, на лице Алана вспыхивает яркая, натянутая улыбка. Ну, как жизнь? – говорит он. Молодчина, поздравляю. Коннелл отвечает тихо, Марианне не слышно. Алан продолжает вымученно улыбаться. Он всегда такой, когда приходится общаться с чужими, – скованный, льстивый.

Да, говорит Алан. Хорошо сдала, да. Но хуже тебя! У нее пятьсот девяносто. Дать ей трубку?

Марианна поднимает глаза. Алан наверняка шутит. Думает, что Коннелл откажется. Ему точно не вообразить себе, с чего бы Коннелл захотел общаться по телефону с Марианной, неудачницей и одиночкой; тем более в такой особенный день. Но вместо этого Коннелл отвечает «да». Улыбка Алана гаснет. Да, говорит он, запросто. Протягивает Марианне телефон. Она качает головой. Глаза у Алана расширяются. Он дергает рукой в ее сторону. На, говорит он. Он хочет с тобой поговорить. Она снова качает головой. Алан грубо тычет телефоном ей в грудь. Он ждет твоего ответа, Марианна, шипит он.

А я не хочу с ним говорить, произносит Марианна.

На лице Алана – дикая ярость, от нее даже глаза закатились. Он еще безжалостнее всаживает телефон ей в грудину, это больно. Поздоровайся, говорит он. В трубке она слышит голос Коннелла. В лицо бьет солнце. Она берет у Алана телефон и одним движением дает отбой. Алан нависает над шезлонгом, сверля ее взглядом. Несколько секунд в саду – ни звука. А потом он тихо спрашивает: ты это какого хрена?

Я не хотела с ним говорить, отвечает она. Я же тебе сказала.

А он с тобой хотел.

Да, я это знаю.

День необычайно солнечный, тень Алана с особой четкостью вырисовывается на траве. Марианна все еще держит телефон в руке, не сжимая, и ждет, когда брат возьмет его обратно. В апреле Коннелл сказал ей, что пригласил на выпускной Рейчел Моран. Марианна в тот момент сидела на краю кровати и отнеслась к этому с холодным юмором, отчего ему сделалось не по себе. Он сказал ей, что в этом ничего «романтического» и что они с Рейчел просто друзья.

В смысле и мы с тобой просто друзья, сказала Марианна.

Нет, сказал он. С тобой у нас по-другому.

Так ты с ней спишь?

Нет. Где мне время-то взять?

А хотелось бы? – сказала Марианна.

В принципе, не особенно. Не такой уж я, знаешь ли, ненасытный, у меня же есть ты.

Марианна разглядывала ногти на руках.

Я пошутил, сказал Коннелл.

Что-то я не поняла шутку.

Я вижу, что ты на меня сердишься.

Да мне вообще-то все равно, сказала она. Просто мне кажется, что, если тебе хочется с ней переспать, лучше предупредить меня.

Да, если захочется, я тебе обязательно дам знать. Ты делаешь вид, что, все дело в этом, но мне почему-то кажется, что в другом.

Марианна рявкнула: и в чем же? Он просто уставился на нее. Она, покраснев, продолжала разглядывать ногти. Он ничего не сказал. В конце концов она

рассмеялась, потому что какое-никакое чувство юмора у нее все-таки было, а ситуация действительно сложилась смешная: он так откровенно унизил ее и не может даже извиниться или хотя бы признать этот факт. Она сразу же ушла домой, легла в постель и проспала тринадцать часов не просыпаясь.

Со следующего дня она перестала ходить в школу. Пойти туда снова она не могла, ни под каким видом. Понятно, больше никто ее на выпускной не пригласит. При том что она организовала сбор денег, помогла снять помещение – а вот пойти на праздник не получится. Все об этом знали, кто-то порадовался, а самых жалостливых разбирало страшное смущение. Она же целыми днями сидела в своей комнате с зашторенными окнами, занималась и спала когда придется. Мать ее была в ярости. Хлопали двери. Дважды Марианнин ужин летел в мусорное ведро. Ничего, она уже взрослая женщина, никто не заставит ее надеть школьную форму, она не станет терпеть все эти перешептывания и косые взгляды.

Через неделю после того, как Марианна бросила школу, она зашла на кухню и увидела Лоррейн – та стояла на коленях и мыла духовку. Лоррейн слегка распрямилась и вытерла лоб той частью запястья, что над резиновой перчаткой. Марианна сглотнула.

Привет, лапушка, сказала Лоррейн. Слышала, ты в последнее время на занятия не ходишь. Все хорошо?

Да, все в порядке, сказала Марианна. Я просто больше не пойду в школу. Заниматься дома продуктивнее получается.

Лоррейн кивнула: как знаешь. А потом снова принялась оттирать духовку. Марианна открыла холодильник, чтобы достать апельсинового сока.

Сын говорит, ты на его звонки не отвечаешь, добавила Лоррейн.

Марианна замерла, тишина в кухне так и гудела в ушах, как белый шум льющейся воды. Да, сказала она. Да, вроде того.

Вот и молодец, сказала Лоррейн. Он тебя недостоин.

Марианна почувствовала облегчение, глубиной и внезапностью напоминавшее панику. Поставила сок на стол, закрыла холодильник.

Лоррейн, сказала она, можете вы его попросить больше здесь не появляться? В смысле пусть, конечно, за вами приезжает, только не заходит в дом?

Да я сама ему это уже запретила навсегда. Можешь не волноваться. Я его и из собственного-то дома едва не выгнала.

Марианна смущенно улыбнулась. Да он ничего такого уж плохого не сделал, сказала она. В смысле если честно, то по сравнению с другими одноклассниками он ко мне очень неплохо относился.

Тут Лоррейн поднялась и сняла перчатки. А потом без единого слова обняла Марианну и крепко прижала к себе. А Марианна странным ломким голосом сказала: ничего. Я в порядке. За меня не волнуйтесь.

Про Коннелла она говорила вполне искренне. Он ничего такого уж плохого не сделал. Он никогда не пытался создать у нее иллюзию ее социальной приемлемости, она обманула себя сама. Она стала для него секретным экспериментом, и наверняка его ошарашило, с какой легкостью она позволила себя использовать. Под конец он стал испытывать к ней жалость, к которой примешивалось отвращение. Ей до определенной степени было его жаль, потому что ему теперь придется жить с мыслью, что он ложился с ней в постель по собственному желанию и ему это нравилось. О нем, на первый взгляд обычном здоровом человеке, это говорит больше, чем о ней. В школу она так и не вернулась, пошла только на экзамены. В классе уже распустили слух, что она попала в психушку. Но для нее это теперь не имело никакого значения.

Ты злишься, что он тебя обошел? – говорит ее брат.

Марианна смеется. Да и чего бы ей не смеяться? Ее жизнь здесь, в Каррикли, закончилась, теперь новая жизнь либо начнется, либо нет. Скоро придет время собирать чемоданы: шерстяные свитера, юбки, два ее шелковых платья. Чайный сервиз с цветочками. Фен, сковородку, четыре белых хлопковых полотенца. Кофейник. Приметы нового существования.

Нет, говорит она.

Так чего не захотела с ним поздороваться?

Ты у него спроси. Если вы такие хорошие друзья, у него и спроси. Он знает.

Алан сжимает левую руку в кулак. Неважно, с этим покончено. В последнее время Марианна ходит по Каррикли и думает, какой же он красивый в солнечную погоду: белые облака над библиотекой – точно меловая пыль, длинные улицы обсажены деревьями. Теннисный мячик описывает дугу в голубом воздухе. Машины тормозят у светофоров, стекла опущены, из колонок гремит музыка. Марианна пытается понять, каково это – быть здесь своей, ходить по улицам, с улыбкой здороваясь с прохожими. Ощущать, что настоящая жизнь именно здесь, в этом месте, а не где-то далеко.

Ты это о чем? – говорит Алан.

Спроси Коннелла Уолдрона, почему мы с ним больше не общаемся. Если хочешь, перезвони прямо сейчас, мне интересно будет послушать.

Алан покусывает костяшку указательного пальца. Рука его дрожит. Через несколько недель Марианна поселится среди совсем других людей, заживет другой жизнью. Но сама она другой не станет. Она останется тем же человеком, запертым внутри собственного тела. Куда бы она ни уехала, от этого не спастись. Другое место, другие люди – какая разница? Алан вытаскивает палец изо рта.

Да ему, блин, пофиг, говорит Алан. Вообще странно, что он имя-то твое помнит.

Вот и нет, мы с ним были довольно близки. Об этом тоже можешь его спросить, если хочешь. Вот только, боюсь, ответ тебя расстроит.

Отреагировать Алан не успевает – их зовут из дома, хлопает дверь. Вернулась мать. Алан поднимает глаза, выражение его лица меняется, Марианна чувствует, как помимо ее воли и ее лицо тоже преображается. Он бросает на нее взгляд. Нечего врать про других, говорит он. Марианна кивает, молчит. Маме про это ни слова, говорит он. Марианна качает головой. Не скажу, соглашается она. Впрочем, от ее слов ничего по большому счету не изменится. Дениза давно уже решила, что мужчины могут с целью самовыражения проявлять агрессию по

отношению к Марианне. В детстве Марианна сопротивлялась, а теперь просто отстраняется, как будто ее это вовсе не касается – по большому счету так оно и есть. Дениза видит в этом проявление холодности и бездушия своей дочери. Она считает, что Марианне не хватает «теплоты», под которой она понимает способность вымаливать любовь у тех, кто тебя ненавидит. Алан уже ушел в дом. Марианна слышит, как закрывается дверь в патио.

Через три месяца

(ноябрь 2011 года)

Из гостей этой вечеринки Коннелл никого не знает. Пригласил его один человек, двери открыл другой – безразлично пожав плечами, впустил внутрь. Пригласившего он пока не видит, его зовут Гарет, они вместе ходят на семинар по теории критики. Коннелл заранее знал, что идти на вечеринку одному – глупо, но Лоррейн сказала по телефону, что это, наоборот, здорово. Да я там никого не знаю, возразил он. А она терпеливо сказала: так никого и не узнаешь, если будешь сидеть дома. И вот он пришел, стоит совсем один в забитой народом комнате и не знает, снимать куртку или нет. Торчать здесь в одиночестве – против всех приличий. Он чувствует, что всех смущает его присутствие, все отводят глаза.

Наконец – он уже решил было уйти – появляется Гарет. От облегчения Коннелл чувствует новый прилив отвращения к самому себе, потому что Гарета он знает довольно плохо и тот ему не слишком нравится. Гарет протягивает руку, и Коннелл в отчаянии и смятении чувств невольно ее пожимает. Один из самых гадких моментов в его взрослой жизни. Все смотрят на их рукопожатие, в этом Коннелл уверен. Рад тебя видеть, чувак, говорит Гарет. И я тебя тоже. Отличный рюкзак, прямо в стиле девяностых. У Коннелла совершенно обыкновенный темно-синий рюкзак, который решительно ничем не отличается от рюкзаков других гостей вечеринки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«В следующий раз – пожар» (The Fire Next Time) – сборник эссе Джеймса Болдуина, издан в США в 1963 году. Один из текстов из сборника был опубликован в журнале «Иностранная литература» № 97 в 1964 году.

2

Мне очень жаль (нем.).

3

«Золотая тетрадь» (The Golden Notebook) – роман Дорис Лессинг, пер. с англ. Е. Мельниковой (СПб.: Амфора, 2009).

4

Кулер – напиток из вина, сока и газированной воды.

Купить: https://tellnovel.com/runi_salli/normal-nye-lyudi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити